

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б27

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

 read_action

Редактор серии *Ю. Милоградова*

Оформление серии *Н. Кудри*

Баскова, Ольга.

Б27 Брежет хозяина Одессы / Ольга Баскова. — Москва : Эксмо, 2020. — 352 с. — (Артефакт & Детектив).

ISBN 978-5-04-109584-0

Известный криминальный авторитет был настоящим хозяином Одессы. Его почитали, боялись, боготворили. Он, как Робин Гуд, грабил богатых и защищал бедных. За свою жизнь он скопил настоящие сокровища и укрыл в неизвестном месте, а карту спрятал в свои золотые часы, которые потерялись перед самой его смертью... С отцом — известным адвокатом — Сергей не общался с самого детства, когда тот бросил их с матерью. Поэтому когда Олег вдруг пригласил Сергея в ресторан, молодой человек сомневался, стоит ли ехать. Тем не менее он пришел на встречу — высказать родителю все, что о нем думает. А вскоре после этого отца убивают, и все улики указывают на то, что это сделал Сергей...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Баскова О., 2020

© Оформление.

ISBN 978-5-04-109584-0

ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ПРОЛОГ

1918 год, между Киевом и Вознесенском

Д

митрий Молдавский, известный всей Одессе как Митька-Китайчик, первый и единственный бандит, запретивший своим людям убивать, сидел в вагоне, вытирая пот с желтого рябого лица, и напряженно размышлял. Как получилось, что он чуть не погубил своих людей, много лет служивших ему верой и правдой? Попытка их спасения обернулась гибелью для половины его отряда. Теперь он ясно понимал: его приход к большевистскому генералу Фомину был роковой ошибкой. Но в те далекие дни ему казалось, что единственный выход — не бороться против большевиков, не сдаваться и не дожидаться, пока они перестреляют всех его людей, а прийти к Фомину и предложить свои услуги. Он нервно усмехнулся, вспомнив вытянутое от удивления лицо генерала, когда король Одессы вошел к нему в кабинет.

— Вы Дмитрий Молдавский? — спросил Фомин, будто не веря своим ушам (минуту назад красноармеец доложил ему о приходе Китайчика).

Митька послал ему самую любезную улыбку. Вся Одесса знала его как очень вежливого и галант-

ного человека. Угрозы он тоже умел произносить вежливо.

— Таки да, я, — ответил Китайчик, блеснув ровными белыми зубами, такими ровными, что позавидовала бы сама Вера Холодная. Фомин повернулся к молодому безусому красноармейцу, застывшему в углу большого кабинета, и коротко бросил:

— Обыщи его. Найдешь оружие — задержи.

Митька снова усмехнулся, понимающе кивнул, будто ожидал, что Фомин именно так и поступит, и покорно поднял руки. Адъютант генерала, покраснев, не сразу решился прикоснуться к королю Одессы, о котором столько слышал. Еще бы, одесская беднота боготворила Митьку, называя Робин Гудом. Генералу не понравилось промедление подчиненного. Он увидел в этом уважение к бандиту.

— Что встал как истукан? — буркнул он. — Я же приказал — обыщи.

Красноармеец еще несколько секунд потоптался на месте, потом решительно шагнул к Митьке и принялся тщательно его обыскивать. Но у главаря одесских бандитов не было никакого оружия.

— Он чист, — отрапортовал адъютант и облегченно вздохнул.

Митька улынулся ему и подмигнул:

— Было бы верхом безумия прийти сюда с оружием. Я пришел с миром, генерал. Позвольте мне сказать, что послужило причиной этого визита.

Фомин, слюнявя самокрутку, кивнул, пристально вглядываясь в лицо неожиданного посетителя:

— Я слушаю тебя.

Он не предложил Митьке сесть, словно подчеркивая разницу между ними. Пусть Китайчик и король Одессы, для большевиков он самый настоящий бандит, которого давно следовало бы расстрелять. Китайчик и глазом не моргнул, продолжая как ни в чем не бывало:

— Да, я пришел без оружия, но не отрицаю, что оно у меня есть — и в большом количестве. А еще у меня есть деньги — тоже в большом количестве. Но самое главное — у меня есть люди. И мы готовы служить большевикам.

Фомин в изумлении откинулся на спинку стула, издавшего жалобный скрип. Его узкое лицо сначала покраснело, потом побелело. Казалось, он раздумывает, как действовать дальше. Никогда еще бандиты такого масштаба не предлагали свою помощь. Что же делать? Он вскинул серые глаза на Митьку, который стоял перед ним как ни в чем не бывало, пощипывая черные усы.

— Мне бы крайне желательно было услышать ваш ответ, — ласково заметил Китайчик, и генерал усилием стряхнул с себя оцепенение.

— Такие решения я не принимаю в одиночку.

Фомин лукавил. Ему не хотелось брать на себя ответственность в таком важном и необычном деле. Пусть решает высокое начальство.

— Подожди в коридоре, — буркнул он и повернулся к красноармейцу: — Выведи его.

Китайчик отметил про себя, что генерал не сказал: «Проводи», — и уголок его рта нервно дернулся. Его приход и выгодное предложение не заставили Фомина относиться к одесскому королю с большим

уважением. Что ж, лишь бы начальник этого генералишки дал добро.

Он с достоинством вышел из кабинета, пропахшего ваксой и махорочным дымом, и прислонился к холодной стене коридора. Красноармеец не сводил с него взгляда, но в нем читались не гнев или пренебрежение, а любопытство. Подумать только, сам Митька-Китайчик к ним пожаловал! Сквозь неплотно прикрытую дверь кабинета доносились обрывки разговора. Фомин то и дело повторял:

— Да, товарищ Якир. Слушаю, товарищ Якир, — а потом, положив трубку на рычаги, пригласил Митьку и адъютанта.

— Не скажу, что я в восторге от твоего предложения, — он старался не смотреть Китайчику в глаза, — но мое начальство считает: следует принять его. Отныне твоя банда станет отрядом Красной армии. И горе тебе, если в твоей голове крутятся какие-нибудь идиотские мысли.

Стоило ли говорить, что генерал снова был вознагражден самой обаятельной улыбкой? Из здания Молдавский вышел красным командиром и с высоко поднятой головой прошествовал по грязным одесским улочкам. Митьке дали отряд и назвали его довольно помпезно: «Пятьдесят четвертый советский отряд имени Ленина». Китайчик и сейчас усмехнулся, вспомнив об этом. Подумать только — две тысячи бандитов и головорезов — отряд имени Ленина! Он понял, почему Красная армия пошла на такой шаг. Тогда, летом 1919 года, создалась очень неблагоприятная обстановка для большевистского правительства. Белогвардейцы, словно опомнив-

ишь от многочисленных поражений, потянулись с Дона и Кубани, ударили по Харькову и отправились на Москву. Разумеется, чтобы их остановить, требовались большие силы. И Красная армия хваталась за любую возможность. Почему бы и не бандиты, раз они готовы помочь?

Их стали готовить к предстоящим сражениям. Несколько месяцев бандитов и головорезов обучали военному делу, проводили политзанятия, стараясь воспитать преданных граждан нового государства. Митька понимал, что это пустая затея. За годы грабежей у его ребят сформировалось свое видение мира. Они откровенно зевали в лицо политкомиссарам, отлынивали от занятий, однако их прощали и строго не журили: вскоре им предстоял бой.

Когда они получили приказ отправляться на фронт, он, Митька, устроил прощание с Одессой-мамой. На родной Молдаванке Китайчик накрыл невиданное количество столов. Одесса гуляла до утра. Некоторые «бойцы» его доблестного отряда так напились, что перед отправкой их пришлось искать по разным хатам, но в поезд сели все — больше двух тысяч человек. По дороге вояки протрезвели, раздались недовольные возгласы: «Что ты придумал? Не станем воевать. Нам и в Одессе было хорошо». Митька, как мог, старался их удержать, но его не слушали, прыгали прямо с поезда. До места назначения доехали всего семьсот человек. Правда, командир дивизии Якир ничего не сказал, видно, был рад и этому. Он коротко бросил Китайчику, что через несколько дней его ждет бой с петлюровцами. По глазам комдива было видно: он не верит в

успех. Где уж отряду бандитов дать отпор хорошо вооруженным и подготовленным бойцам? Тем неожиданнее для всех стала победа «Пятьдесят четвертого советского отряда имени Ленина». Участники одесских стычек, его головорезы разгромили врага. Митька помнил: они радовались как дети, и только он, прислонившись к холодному морщинистому стволу вяза, хрустел пальцами от бессильной злобы, словно в безумии повторяя: «Это конец, это конец!»

Да, это конец, раз снова кровь. Он, не выносивший вида крови и всегда старавшийся избегать кровопролития, сам пришел к этому и оказался в кровавом кольце, вырвать из которого могла только смерть. Новая власть признавала только насилие, с ней невозможно было договориться.

С силой сорвав тонкую лозу с серебристыми листьями, Китайчик побрел к своим, сознавая, что с ними ни в коем случае нельзя делиться собственными грустными мыслями. Они непредсказуемы, могут черт знает что натворить и только усугубить и без того печальное положение. О как он оказался прав! Красной армии победа не пришлась по душе. Сделать героями одесских бандитов? Об этом не может быть и речи, свора Китайчика способна отрицательно повлиять на остальных бойцов.

Конечно, больше всего боялись его самого. Он — одесский лидер, своего рода легенда, ему многие стремились подражать. Отстранить его от командования нельзя, значит, выход один — только убить, уничтожить — и как можно скорее. Когда вокруг идут кровопролитные бои, незачем за-

бивать голову, как покончить с немногочисленным отрядом. Экс-головорезов ждал бой с батькой Махно. Китайчик с болью вспомнил, как отправлялись на него его люди — с достоинством, исполненные гордости. И только он чувствовал, что новое задание — это смерть.

И здесь интуиция не подвела. Его жалкий отряд столкнулся с многотысячным войском махновцев. Бывшие бандиты попали в мясорубку и дрогнули, побежали. Обещанное подкрепление, которого с надеждой ждали одесские головорезы, не пришло. Бывшие бандиты, в дыму и копоти, кричали хриплыми голосами:

— Измена! Измена! — А их brave командир впервые в жизни не знал, что делать. В том, что случилось, он винил прежде всего себя. Это было его решение — служить новой власти, и оно привело в тупик.

В том бою Митька потерял половину своих людей и словно обезумел. Он виноват в их гибели! Только он — и больше никто. Они доверяли ему, а он завел своих ребят в ловушку. На его руках кровь, которой он всегда боялся.

Митька зажмурился, словно горячее августовское солнце (ах как хорош август в Одессе!) выстрелило ему в лицо огненными лучами. Перед глазами, как живой, возник отец, затоптанный конем, не переносившим запаха алкоголя. В тот роковой день маленький Митя впервые увидел кровь и потерял сознание. Во второй раз ему стало плохо от ее вида, когда анархисты заставили его убить полицейстера Одессы. Китайчик смастерил бомбу, кото-

рая разорвала ненавистного офицера в клочья. Тогда будущий король портового города дал себе клятву — никогда никого не убивать, и клятву эту сдержал. Сдержал до сегодняшнего дня.

Митька посмотрел в окно поезда, на убежавший унылый пейзаж, и подумал, что мог бы бежать. Его денег хватило бы на переход линии фронта. А потом — за границу, к любимой жене Саре... От этих мыслей его передернуло. Да, он бандит, головорез, но не подлец. Вот так оставить своих людей, которых сам же завел в ловушку... Нет, если суждено погибнуть, он примет смерть с честью...

В разгоряченном мозгу снова закружились воспоминания. После неудачного боя его вызвал генерал Фомин, приехавший в штаб, и был с ним подчеркнута вежлив. Китайчик понял, что подтвердились его худшие подозрения. Большевистский начальник говорил о новом задании для его отряда, но Митька знал: никакого нового задания не будет, их уничтожат. Уничтожат по дороге, раздавят, как клопов. Выйдя от генерала, бросившего напоследок на бандита убийственный взгляд, Китайчик собрал оставшихся в живых людей и приказал им возвращаться домой.

— У меня к вам одна просьба, — сказал он на прощание, — помните о том, что убивать — это плохо. Если вы продолжите бандитствовать, пусть все будет без кровопролития. Кровь никогда не приводит ни к чему хорошему.

Изнуренные последним боем, его люди с жалостью смотрели на своего командира. Они понимали: Митька что-то придумал и ценой соб-

ственной жизни спасает их. Вперед выступил головорез по кличке Атаман, украшенный боевыми шрамами, полученными еще в стычках на улицах Одессы.

— Ты разве не с нами? — коротко спросил он Китайчика. Митька покачал головой. Ветер взберишил его черные, с ранней проседью волосы.

— Нет, у меня своя дорога, прощайте. — Он резко развернулся и быстро пошел, стараясь не оглядываться. Все бросились за ним.

— Мы не оставим тебя. — Атаман, поравнявшись с командиром, положил ему на плечо тяжелую загорелую руку. — Скажи, что ты задумал? Знаешь, я все равно не отстану.

Китайчик улыбнулся. Да, кто-кто, а он знал Атамана как облупленного.

— Хочу постараться спасти хоть кого-нибудь, — признался он. — Гибнуть всем нет смысла. Если хочешь — пойдем со мной, но учти: это верная смерть.

Атаман усмехнулся, обнажив щербинку между желтыми от махорки передними зубами:

— А какая наша жизнь? Все равно или пуля догонит, или шашка. Днем раньше, днем позже — какая разница? Я свое отжил. Говори, что собираешься делать.

— Мне бы еще две сотни, — Митька оглядел столпившихся возле него подельников. Все они выразили готовность погибнуть вместе с ним.

— Это бессмысленно, — ответил Китайчик. — И в таком случае я, как ваш командир, которого никто не снимал, сам приму решение.

Он отобрал сто сорок преданных, много лет служивших ему верой и правдой людей, остальных отпустил домой, а на следующий день остатки его отряда, знавшие о дерзком плане короля, погрузились в поезд. На полдороге Митька с револьвером ворвался к машинисту, приставил холодное дуло к виску растерявшегося старика и крикнул:

— Гони в Одессу, быстро!

Дрожавшими руками побелевший машинист еле справился с управлением.

— На Одессу? — уточнил бандит, не отнимая револьвер. Старик закивал, большая голова с включенными седыми волосами затряслась на жилистой шее. Китайчик усмехнулся, убрал оружие и похлопал его по спине:

— Молодец!

— До Одессы ведь не доберемся, — пробурчал машинист.

— Не твое дело, отец, — Митька подмигнул, — гони домой.

Разумеется, он прекрасно знал, что родного города ему не видать как своих ушей. Но снова почувствовать себя свободным, как когда-то, пусть и ненадолго, — разве это не здорово? Митька изучал каждое дерево за окном, каждое поле, каждую речонку, каждую пожухлую травинку. Когда поезд резко затормозил, он дернулся и прошептал:

— Все кончено, — быстро сунул руку в холщовый мешок, достал буханку черного мягкого хлеба и, отрывая корочку, принялся прятать в мякише дорожную ему вещь — золотые часы, подаренные любимой

женой. Они ни в коем случае не должны достаться большевикам!

Вскоре вагон наполнился криками, угрозами, топотом кирзовых сапог, через секунду на него смотрело узкое дуло винтовки, и молодой красноармеец, наверное его ровесник, крикнул так, что заложило уши:

— Выходи из поезда!

Король Одессы покорно исполнил приказание. Теперь его могло спасти только чудо... Но чудеса в жизни так редко бывают! Почему бы в таком случае еще раз, пусть последний, не испытать судьбу? Когда-то она была к нему очень даже благосклонна.

Спустившись, Митька увидел большой вооруженный отряд красноармейцев, отбиравших оружие у его людей. Его ровесник, не опуская винтовку, снова буркнул:

— Ты арестован!

Митька опустил голову, словно со всем соглашаясь, потом, уловив момент, когда красноармеец, не ожидавший от него дерзости, отвлекся, нагнулся и быстро побежал вдоль поезда. Краем глаза он видел, как за ним рванул один из его людей, но тут же упал, пытаясь зажать рану на груди. Китайчик ускорил бег, уворачиваясь от пуль, свистевших вдогонку, и, нырнув под товарняк, выскочил с другой стороны. Он увидел, что на небольшом холмике сидит бедно одетый мальчик лет десяти, по виду — беспризорник, и, размахнувшись, бросил ему буханку:

— Держи, шкет. И вспоминай Митьку-Китайчика!